Глава 624: Братья

В это время половина плеча Чжоу Туна и рука были отрублены клинком Чэнь Чаншэна, и он даже ослеп на один глаз. Если он был псом, он определенно был диким псом.

Сюэ Синчуань нахмурил брови, отвечая: «Просто успокойся и сосредоточься на восстановлении».

Чжоу Тун продолжил игнорировать его советы. Он с большими усилиями повернул шею, чтобы посмотреть в направлении зала. Видя стул, он знал, что Сюэ Синчуань вел надзор с этого места, и он затих на очень долгое время.

Затем он спросил: «Императрица приходила?»

Многие звезды в ночном небе были яркими, и звездный свет, изливающийся на пол за залом, был подобен воде, он был мирным и тихим.

Сюэ Синчуань сказал после паузы: «Ты ведь знаешь, что сегодня довольно напряженная ситуация в столице. Императрица должна сосредоточиться на движениях Дворца Ли».

«Вот как?» - Чжоу Тун сузил глаза, как старый пес, и боль из его левого глаза вынудила его нахмурить лоб. Его голос задрожал, когда он сказал: «Тогда... сказала ли Императрица что-нибудь?»

В этот раз Сюэ Синчуань затих на очень долгое время, не отвечая на вопрос.

Чжоу Тун приподнял уголок губы, демонстрируя уродливую и даже немного ужасающую улыбку, глядя на него и говоря: «Вот видишь, я действительно как собака. Даже когда я при смерти, хозяин не особо переживает».

Сюэ Синчуань хранил молчание несколько мгновений, прежде чем сказать: «Когда мы были молоды, я говорил тебе, что ты не должен жить таким образом».

Он явно был тяжело ранен, но Чжоу Тун как-то смог получить энергию, чтобы горько сказать: «Если бы я не был таким, смог бы я тогда быть таким, как ты?»

Сюэ Синчуань вновь замолчал.

«С того момента, как я выбрался из чрева, я не мог превзойти тебя. Когда ты был рожден, ты был не меньше, чем восемь цзиней и восемь таэлей. А я? Я даже не весил пять цзиней. Это ничего, и в любом случае, семья была бедной, так что, несмотря ни на что, я должен был воспитываться именно так, но главная жена клана Сюэ не могла родить сына, так что она хотела тайно забрать одного для воспитания и нашла нашу семью... если бы это был я, я бы тоже выбрал белого толстячка, как ты, а не худую обезьяну, как я».

Чжоу Тун продолжил: «Позже основная жена клана Сюэ смогла родить и решила передать клан своему собственному сыну. Боясь, что ты будешь жаловаться, она тайно рассказала тебе об этом перед смертью. Я признаю, что в то время ты хорошо относился к Отцу и Матери, а ко мне относился даже лучше. Ты брал меня с собой в школу и на учебу, но ты никогда не думал, по какой причине я делал вид, что я - твой служитель, когда был рядом с тобой?»

Сюэ Синчуань ответил: «Перед другими людьми я не мог ничего поделать, но в доме я всегда относился к тебе, как к брату».

Чжоу Тун глумился: «Но это только тогда, когда рядом никого не было. Перед другими я лишь мог смотреть, как ты и Сюэ Хэ демонстрировали друг другу любовь и уважение братьев. Скажи мне, как я должен был себя чувствовать?»

Сюэ Синчуань затих, более не говоря.

«Я был рожден с врожденной слабостью, так что я даже не мог поспеть за тобой в таланте культивации. Если бы я не ступил в Департамент для Очищения Чиновников и не встретил того старого призрака в тюрьме, который обучил меня тайной технике Великой Багровой Мантии, и если бы я не устраивал облавы на так много поместий для хищения техник, как бы я возможно смог культивировать до моего текущего уровня? Как бы я смог догнать тебя?»

Чжоу Тун невыразительно уставился на крышу зала и продолжил: «Но с тайной техникой Великой Багровой Мантии есть проблема, и моя последующая культивация была слишком беспорядочной, так что у меня нет надежды сделать следующий шаг в течение остатка этой жизни, пока ты идешь к тому месту, шаг за шагом. Я просто не понимаю; мы оба - близнецы, почему же в нашей удаче такая большая разница?»

«Спустя много лет, когда я вновь встретил тебя в столице, я не ожидал, что ты уже был в Департаменте для Очищения Чиновников... но даже в тот миг, если бы ты начал меняться, все еще было бы не поздно».

«Не поздно для чего? Если бы я не отдал свою жизнь Императрице, если бы я не убивал для Императрицы, я потерял бы благосклонность Императрицы и был бы убит теми людьми».

«Будь налегке, Императрица распорядится насчет тебя», - утешил его Сюэ Синчуань.

Но в глубинах своего сердца даже он не верил в эти слова.

Как раз в это время снаружи зала послышался звук шагов. Это была не Божественная Императрица, а медицинский работник, доставляющий лекарство.

Пройдя тщательный осмотр, служащий медик осторожно поднес к кровати деревянный разнос с миской лекарственного отвара на нем.

С того момента, как послышались эти шаги, Чжоу Тун смотрел на этого служащего медика, его единственный глаз сиял особенно суровым светом. Сюэ Синчуань знал, о чем он думал, какое разочарование, даже отчаяние он испытывал, но он был бессилен утешить его. Он взял миску лекарственного отвара у служащего медика и второй рукой приподнял Чжоу Туна вверх, собираясь скормить ему отвар.

Чжоу Тун взглянул на черный лекарственный отвар в миске, почувствовал священное ци и аромат лекарств внутри, и взгляд на его лице внезапно стал весьма странным.

«Что не так?» - спросил Сюэ Синчуань.

Голос Чжоу Туна задрожал с неописуемым страхом: «Я... беспокоюсь».

«Нет надобности для этого, - Сюэ Синчуань знал, о чем он переживал, серьезно говоря ему, - Императрица - не такой человек».

«Я сделал больше вас всех вместе взятых для Императрицы, так что я знаю Императрицу лучше вас всех. В любом случае, я беспокоюсь».

Голос Чжоу Туна стал острее, но не потому, что он задыхался из-за ран, он скорее был похож на сломанные кузнечные мехи, задыхаясь и хрипя.

В этот миг он выглядел, как упертый ребенок, который не любил горькие лекарства, и поэтому отвернул голову в сторону и крепко закрыл рот, отказываясь пить лекарство, даже если его изобьют до смерти.

Сюэ Синчуань посмотрел на Чжоу Туна, вспоминая, как много лет назад в их старом доме он тоже отказывался принимать лекарство таким же образом, и изобразил улыбку ностальгии на лице.

Как только эти дела в столице будут завершены, он попросит кого-то отправить Чжоу Туна обратно в их старый дом на пенсию. Он верил, что кроме Императрицы, его самого и Сюэ Хэ никто не сможет представить, что Чжоу Тун будет находиться там.

Пока Сюэ Синчуань думал обо всем этом, он поднял миску лекарств и сделал глоток, говоря: «Вот видишь, все в порядке, и оно не такое уж и горькое».

Много лет назад, когда он убеждал Чжоу Туна принять лекарство, он сделал то же самое, выпив лекарство перед ним.

Видя эту сцену, Чжоу Тун внезапно начал плакать, из его горла раздавались звуки рыдания.

Сюэ Синчуань был немного взволнован.

Поплакав, Чжоу Тун почувствовал себя еще более уставшим, но он смог сильно расслабиться.

Он посмотрел на Сюэ Синчуаня и выдавил улыбку: «Я обдумал это. Пока я живу, все в порядке».

Сюэ Синчуань был утешен, отвечая: «Раз ты хорошо это обдумал, все в порядке».

.....

.....

Ко времени, когда повозка вернулась в Ортодоксальную Академию, она уже была окружена стражами.

Солдаты Имперского Двора и кавалерия Ортодоксии протягивались от главной улицы до Аллеи Сотни Цветений, а затем и вокруг стен академии, их кордон был настолько плотным, что даже капля воды не сможет просочиться между них.

Чэнь Чаншэн сошел с повозки и попрощался с Принцем Чэнь Лю. Он вошел в Ортодоксальную Академию под бесчисленными взглядами.

Врата Ортодоксальной Академии распахнулись. Внутри все ярко освещалось лампами. Хоть сейчас и была поздняя ночь, ни один из нескольких сотен учителей и студентов не мог спать, потому что этой ночью никто не мог спать.

Массив мечей, сформированный учениками Храма Южного Ручья, уже был перемещен от дома к задней части врат академии. Чувствуя внушительное намерение меча, была уверенность, что, если войска Имперского Двора захотят прорваться сквозь него, они определенно заплатят большую цену. Но, по какой-то причине, на лицах учениц не было обычного самообладания или

самоуверенности, скорее они изображали беспокойство.

«Где ты был?» - Танг Тридцать Шесть спросил, глядя на Чэнь Чаншэна.

Учителя и студенты Ортодоксальной Академии тоже смотрели на него.

Чэнь Чаншэн покинул Ортодоксальную Академию четыре часа назад. Он был в пространстве под Новым Северном Мостом, был в Таверне Сливового Сада, и наконец, на аллее Северного Военного Департамента. Он сделал много дел.

Из-за его ухода ситуация в столице внезапно стала напряженной, и кавалерия Ортодоксии, а затем и Имперские Стражи, пришли в это место. Люди в Ортодоксальной Академии, конечно же, знали, что что-то случилось, но не знали, что именно. Битва аллеи Северного Военного Департамента только что завершилась, и хотя у Танга Тридцать Шесть были люди в столице, передача этих новостей не была быстрее, чем возвращение Чэнь Чаншэна.

«Ничего особенного, все должны пойти спать».

Чэнь Чаншэн указал, что Су Моюй должен отправить учителей и студентов на отдых, а затем привел Танга Тридцать Шесть и Чжэсю в дом.

Массив мечей Храма Южного Ручья двигался вместе с ним, не потребовав даже нескольких мгновений, чтобы передвинуться к берегу озера. Су Моюй тоже быстро вернулся.

«Все и правда в порядке?» - Танг Тридцать Шесть смотрел ему в глаза, серьезно задавая этот вопрос.

Они знали состояние тела Чэнь Чаншэна и не могли относиться к нему с обычным поддразниванием и бесстрашием. Они изначально думали, что, покинув Ортодоксальную Академию, Чэнь Чаншэн уже не вернется. Они определенно не могли представить, что он вернется в такой поздний час. Они смогли быть намного спокойнее, но не могли полностью расслабиться.

«Действительно ничего страшного, - ответил Чэнь Чаншэн, - я просто уходил позаботиться о паре дел».

«Каких дел?»

«Я... ходил убивать Чжоу Туна».

Когда они услышали это, дом в мгновение стал несравненно тихим.

Ветер подул на большой баньян, но он не мог расшевелить его листья. Он подул на поверхность озера, но вовсе не было видно ряби.

Все были ошеломлены, особенно те юные девушки их Храма Южного Ручья.

Столица в эту ночь была окутана аномальной атмосферой, в которой можно было найти много знаков приближающейся бури. Чжэсю и остальные догадывались, что это как-то было связано с Чэнь Чаншэном, но они не ожидали, что это была настолько серьезная проблема.

В этом мире были бесчисленные люди, которые хотели видеть Чжоу Туна мертвым, но разве кто-то из них посмел бы воплотить свои желания в реальность?

Су Моюй посмотрел на него взглядом восхищения.

Девушки Храма Южного Ручья посмотрели на него с внезапно яркими глазами, думая, что он действительно заслуживает быть мужчиной, которого любит глава храма, он действительно экстраординарен.

«Я сказал ранее, что жизнь Чжоу Туна - моя».

Чжэсю посмотрел на него и продолжил: «Но учитывая твою уникальную ситуацию, я не виню тебя».

Чэнь Чаншэн посмотрел на него и сказал: «Ты был пленен в Тюрьме Чжоу из-за твоих отношений со мной и Ортодоксальной Академией, так что я почувствовал, что, по крайней мере, должен решить это дело перед уходом».

Уходом? Куда? Услышав эти слова, девушки Храма Южного Ручья были сбиты с толку.

Танг Тридцать Шесть и Су Моюй знали значение слова ‘уход’. Настроение, которое, как казалось, начинало теплеть, вмиг вновь остыло.

«Я уже сказал ранее, что будет достаточно, если ты добавишь денег», - ответил Чжэсю.

Чэнь Чаншэн не продолжал спорить с ним насчет этого, говоря: «Прости, я не смог убить его».

От учениц Храма Южного Ручья раздался голос: «Сметь убить уже весьма экстраординарно».

Эти слова были сказаны Е Сяолянь, которая однажды была почитателем Цюшань Цзюня, позже почитателем Чэнь Чаншэна, а сейчас была почитателем Сюй Южун.

Сегодня она внезапно почувствовала, что симпатия к Чэнь Чаншэну была весьма логичной.

Чэнь Чаншэн заметил, что настроение учениц Храма Южного Ручья было весьма необычным, так что он спросил: «Что случилось?»

Е Сяолянь немного беспокойно ответила: «Глава храма все еще не вернулась».

Чэнь Чаншэн обдумал это и сделал предположение: «Возможно, она решила остаться в Имперском Дворце?»

Е Сяолянь покачала головой: «Глава храма заявила, что она определенно вернется перед темнотой. Если она не вернется…»

Услышав это, Чэнь Чаншэн, Танг Тридцать Шесть и другие наконец-то почувствовали, что что-то было не так, и их лица стали намного серьезней.

http://tl.rulate.ru/book/1222/175772